

• 2017 •

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 16. 200 с.
ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9909871-9-7

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2017.

No. 16. 200 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 16 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В работе А. М. Родионова и Н. И. Платоновой впервые проведено сравнительное трасологическое изучение нескольких групп орудий на пластинах, характерных для кремневых индустрий верхнепалеолитических стоянок Костёнки 8/II и 11/II. Статья А. В. Фрибуса и С. П. Грушина посвящена вопросам реконструкции оформления неолитического костюма в Древней Сибири. Л. Б. Кирчо публикует новые материалы начала периода позднего энеолита из раскопок Алтын-депе в Южной Туркмении. Комплексный анализ всех радиоуглеродных дат окуневской культуры проведен в работе А. В. Полякова. Статья И. С. Жушиховской посвящена изучению технологии изготовления керамики юга Дальнего Востока методом оптико-электронной микроскопии. Изучение двух кавказских фибул раннего железного века позволило Е. Е. Васильевой и М. Т. Кашубе выявить место и значение этих находок в костюме разных групп древнего населения Кавказа. Работы А. С. Намойлик, Е. В. Кузнецовой, а также Н. А. Павличенко и О. Ю. Соколовой посвящены различным аспектам анализа эпиграфических данных на артефактах античного времени. В статье Е. П. Королевой и А. Н. Егорькова изучены типология и состав стекла бус курганного могильника Восход в Белоруссии. В работе С. В. Белецкого с соавторами публикуются новые древнерусские свинцовые пломбы домонгольского времени из Курска. Научная биография А. А. Иессена — выдающегося исследователя древностей Кавказа, написана В. А. Алёшкиным для раздела «Из истории науки». В разделе «Хроника» В. Я. Стёганцевой дана информация о Круглом столе, проведенном в 2016 г. и посвященном 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко. Юбилею выдающегося исследователя Русского Севера О. В. Овсянникова посвящена статья А. Е. Мусина с соавторами в разделе «Персоналии». Издание адресовано археологам, культуuroлогам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 16th issue of the «Transactions of IHMC RAS» contains papers dealing with the newest discoveries and investigations in archaeology and ancient history. A. M. Rodionov and N. I. Platonova present the first results of the traceological study of several groups of blade tools typical of the Upper Paleolithic flint assemblages of Kostenki 8/II and 11/II. The paper by A. V. Fribus and S. P. Grushin is devoted to the reconstruction of a Neolithic costume from Siberia. L. B. Kircho introduces new Late Eneolithic materials from the excavations of Altyn-depe in South Turkmenistan. A. V. Polyakov's paper deals with the complex analysis of radiocarbon dates available for the Okunev culture. The work by I. S. Zhushchikhovskaya is devoted to the study of pottery manufacturing technology in the south of the Far East with the use of electron microscopy. The analysis of two Caucasian Early Iron Age fibulae allowed E. E. Vasileva and M. T. Kashuba to determine the place and role of these objects in the costume of different groups of ancient Caucasian people. The studies by A. S. Namoilik, E. V. Kuznetsova, as well as N. A. Pavlichenko with O. Yu. Sokolova are devoted to various questions associated with the analysis of epigraphic materials of the Classical period. E. P. Koroleva and A. N. Egorkov describe the typology and chemical composition of glass beads for the burial mound of Voskhod in Belarus. S. V. Beletsky with coauthors introduce new Old Russian lead seals found in Kursk and dated to the pre-Mongol time. The section «From the History of Archaeology» contains V. A. Alekshin's paper about A. A. Iessen — an outstanding researcher of Caucasian antiquities. V. Ya. Stegantseva in the chronicle section reports on the Round Table dedicated to the 80th birth anniversary of S. N. Bratchenko. The paper by A. N. Kirpichnikov, A. E. Musin, A. A. Peskova is dedicated to the jubilee of the outstanding researcher of the Russian North Oleg Ovsyannikov. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9909871-9-7

© Институт истории материальной культуры РАН, 2017

© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. М. Родионов, Н. И. Платонова.* Сравнительный анализ
пластинчатого инвентаря культурных слоев
Костёнки 8/II и Костёнки 11/II: трасологический аспект 7
- А. В. Фрибус, С. П. Грушин.* Перья птиц в системе оформления
неолитического костюма (по материалам могильника
Чумыш-Пережат на юге Западной Сибири) 20
- Л. Б. Кирчо.* К датировке геоксюрского комплекса
(новые данные из Алтын-депе в Южной Туркмении). 35
- А. В. Поляков.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры 52
- И. С. Жутиховская.* Опыт применения электронной микроскопии
в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока 75
- Е. Е. Васильева, М. Т. Кашуба.* Разыскания по двум кавказским фибулам
раннего железного века. 92
- А. С. Намойлик.* К вопросу о ценах на гончарную продукцию
в Нимфее в V–IV вв. до н. э. 111
- Е. В. Кузнецова.* О гончарных мастерских Херсонеса Таврического,
исследованных В. В. Борисовой 118
- Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова.* Новые эпиграфические памятники
из Нимфея 128
- Е. П. Королёва, А. Н. Егорьков.* Типология и состав стекла бус
курганного могильника Восход 138
- С. В. Белецкий, Р. С. Веретюшкин, К. В. Горлов.* Свинцовые пломбы
из раскопок в Курске в 2016 г. 146

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- В. А. Алёкишин.* А. А. Иессен — выдающийся исследователь
древностей Кавказа 160

ХРОНИКА

- В. Я. Стёганцева.* Круглый стол, посвященный 80-летию
со дня рождения С. Н. Братченко 173

ПЕРСОНАЛИИ

- А. Н. Кирпичников, А. Е. Мусин, А. А. Пескова.*
Олег Овсянников: опыт творческой биографии 177
- Список сокращений 191
- Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН» № 16. 196

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>A. M. Rodionov, N. I. Platonova.</i> Comparative analysis of blade products from Kostenki 8, layer II, and Kostenki 11, layer II: traceological aspect	7
<i>A. V. Fribus, S. P. Grushin.</i> Bird feathers in the makeup of a Neolithic costume (based on the materials of the Chumysh-Perekat cemetery in the south of West Siberia)	20
<i>L. B. Kircho.</i> Towards the dating of the Geoksyur complex (new data from Altyn-depe in South Turkmenistan).	35
<i>A. V. Polyakov.</i> Radiocarbon dates of the Okunev culture	52
<i>I. S. Zhushchikhovskaya.</i> Experience of using electron microscopy in the study of archaeological ceramics from the south of the Far East.	75
<i>E. E. Vasilieva, M. T. Kashuba.</i> Investigations concerning two Caucasian fibulae of the Early Iron Age	92
<i>A. S. Namoilik.</i> On the problem of pottery prices in Nymphaeum in the V–IV centuries B. C.	111
<i>E. V. Kuznetsova.</i> On the ceramic workshops of Tauric Chersonesus studied by V. V. Borisova	118
<i>N. A. Pavlichenko, O. Yu. Sokolova.</i> New epigraphic inscriptions from Nymphaeum	128
<i>E. P. Koroleva, A. N. Egor'kov.</i> Typology and chemical composition of glass beads from the Voskhod burial mound	138
<i>S. V. Beletsky, R. S. Veretyushkin, K. V. Gorlov.</i> Lead seals from the excavations in Kursk in 2016	146

FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGY

<i>V. A. Alekshin.</i> A. A. Iessen — an outstanding researcher of Caucasian antiquities	160
--	-----

CHRONICLE

<i>V. Ya. Stegantseva.</i> Round table dedicated to the 80 th birth anniversary of S. N. Bratchenko	173
--	-----

PERSONALIA

<i>A. N. Kirpichnikov, A. E. Musin, A. A. Peskova.</i> Oleg Ovsyannikov: an essay of creative biography	177
List of abbreviations	191
List of authors	196

ПЕРЬЯ ПТИЦ В СИСТЕМЕ ОФОРМЛЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО КОСТЮМА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)¹

А. В. ФРИБУС, С. П. ГРУШИН

Ключевые слова: *неолит, Алтай, Причумышье, кузнецко-алтайская культура, шаманизм, реконструкция костюма, палеозоология.*

Чумыш-Перекал — новый грунтовый могильник, который исследуется совместной экспедицией Кемеровского ГУ и Алтайского ГУ с 2014 г. Памятник содержит материалы позднего неолита, эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья. К неолитической эпохе отнесено 11 погребений, которые имеют много общего с материалами хорошо известных могильников лесостепного и предгорного Алтая: Большой Мыс/Иткуль, Усть-Иша, Тузовские бугры, Фирсово XI, Новоалтайск-Развилка и др. Погребение № 13 (рис. 1, 2) выделялось относительным богатством сопроводительного набора (каменный нож, отщеп, костяное острие, украшения) и особой погребальной конструкцией, в которой были использованы ветки деревьев. В статье рассматривается комплекс предметов, расположенных в области таза и бедренных костей погребенного (рис. 1, 5) — оторочка пояса или края одежды из 33 просверленных зубов канисовых, две пястно-запястные кости (пряжки) довольно крупной птицы и костяное изделие. Даются различные интерпретации данного комплекса в связи с реконструкцией отдельных элементов древнего костюма (рис. 1, 3, 4). Центральное место в этом наряде занимали закрепленные у правого бедра погребенного длинные маховые перья птицы. Образ птицы занимает особое место в мифологии и верованиях многих сибирских народов и играл важную роль в оформлении шаманского костюма и ритуальных практиках. Традиция использования частей крыльев птиц для оформления неолитического костюма зафиксирована впервые, что может указывать на особый статус погребенного.

Неолитическая эпоха на юге Западной Сибири по-прежнему является одной из наименее изученных и часто дискуссионных тем. В первую очередь это связано со спецификой источниковой базы. Грунтовые неолитические могильники здесь — редкая находка, а планомерные их поиски пока не увенчались успехом. Большинство известных сегодня памятников — случайные открытия, связанные с процессами антропогенного или естественного разрушения погребений. Поэтому находки любых новых погребальных неолитических памятников вызывают неизменный исследовательский интерес.

¹ Работа выполнена в рамках проекта АлтГУ, поддержанного Правительством РФ (постановление № 220), договор № 14Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и проекта № 33.2597.2017/ПП КеМГУ.

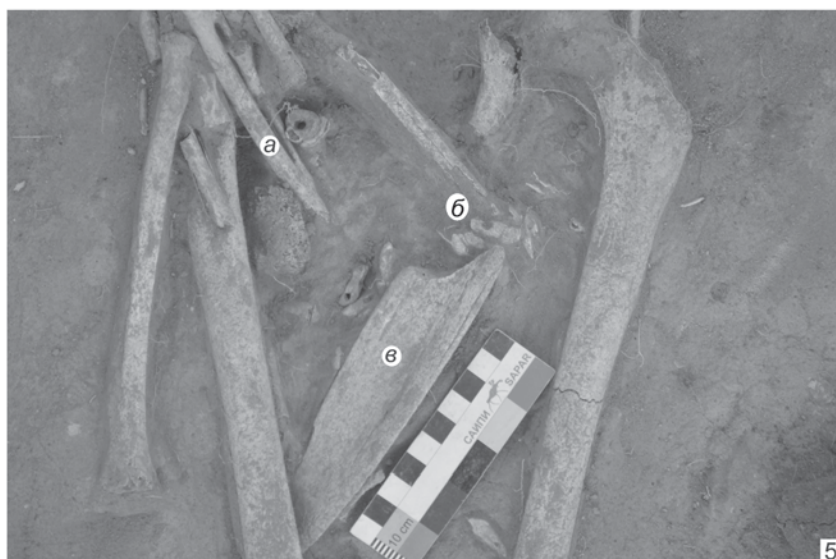
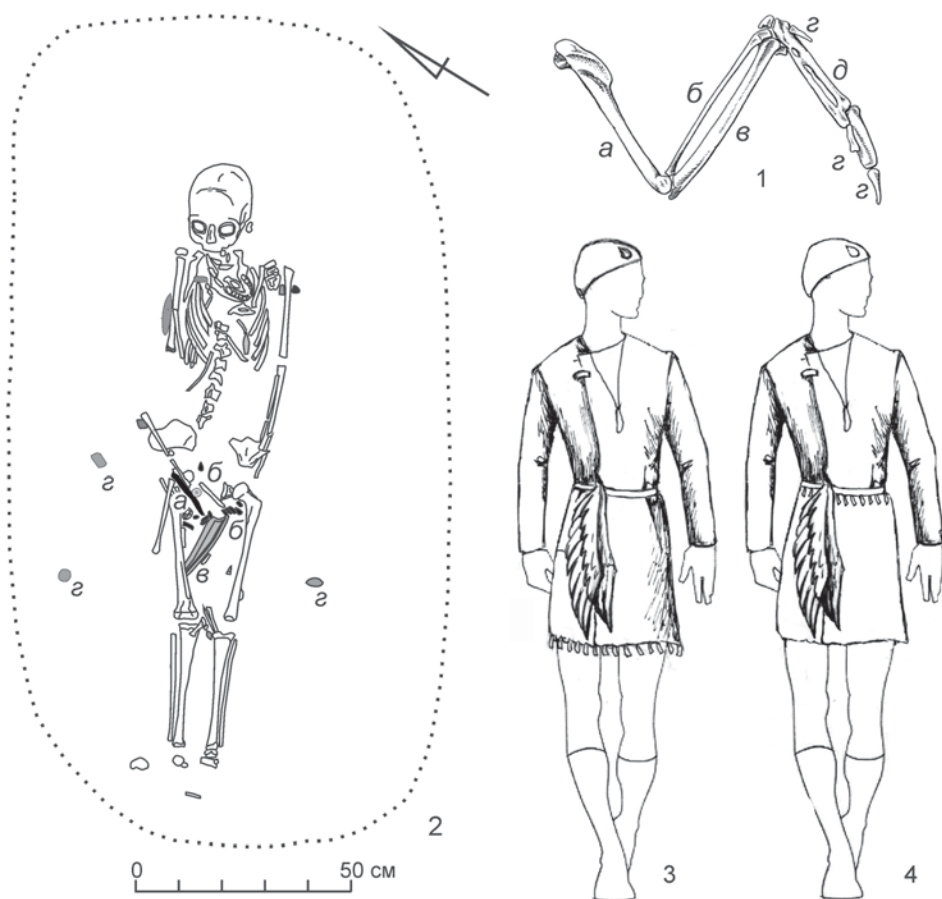
До настоящего времени в лесостепном Алтае и в северных предгорьях Горного Алтая было известно 16 погребальных памятников, которые соотносятся с эпохой неолита. Иногда это одиночные могилы, иногда — довольно большие (по меркам эпохи) некрополи, которые насчитывают до двух десятков могил. На общем фоне по количеству погребений выделяются два памятника — Большой Мыс/Иткуль (17 погр.) и Тузовские Бугры (21 погр.), а среди могильников предгорий — Усть-Иша (11 погр.) (Молодин 1999; Абдулганеев и др. 2000; Кирюшин и др. 2000; Кирюшин Ю., Кирюшин К. 2015; и др.). Исключительное положение занимает погребение в пещере Каминная — первое достоверно неолитическое погребение доафанасьевского времени на северо-западе Горного Алтая (Маркин 2000).

В 2012 г. на северо-востоке Алтайского края, в предгорьях Салаирского кряжа, С. П. Грушиным открыт грунтовый могильник, который содержал новые неолитические материалы. Памятник располагается на правом высоком берегу р. Чумыш и содержит разновременные материалы — от неолита до эпохи средневековья. В настоящее время здесь исследовано 11 погребений, которые могут быть отнесены к раннему комплексу (поздний неолит/энеолит) (обзор дискуссии — см.: Марочкин 2013; 2014). Они характеризуются набором признаков, которые позволяют сопоставить их с известными могильниками лесостепного и предгорного Алтая. Большинство погребений — индивидуальные, в одном случае (№ 8) — парное, в двух случаях (№ 1, 2 и № 6, 7) могилы детей были устроены рядом с погребениями взрослых. Захоронения производили в неглубоких ямах. Положение погребенных — вытянуто на спине, руки уложены на таз, ноги «стянуты в коленях». Ориентировка — на СВ, головой вниз по течению р. Чумыш (обычно при использовании местного ориентира погребенные уложены ногами вниз по течению реки). Фиксируются случаи вторичных захоронений (№ 8, 12). Инвентарь в большинстве могил отсутствует либо немногочислен и представлен орудиями из камня и кости.

Из общего стереотипа выделяется погр. 13 (рис. 1, 2), которое отличалось относительным богатством сопроводительного набора и своеобразной конструкцией. В могиле был похоронен подросток 10,5–11,5 л. (пол не определен)². Положение и ориентировка погребенного типичны — вытянуто на спине, головой на СВ, могила вписана в ряд. Инвентарь: кремневый нож, костяное изделие, отщеп. Украшения — «пояс» из зубов животных, резец бобра, каменная подвеска с насечками, небольшая фигурка-рыбка из перламутра. По периметру погребения зафиксированы фрагменты дерева, вероятно, остатки вертикально установленных шестов или веток, являвшихся элементами погребальной конструкции. Полученные материалы представляют интерес для реконструкции некоторых деталей древнего костюма.

В настоящей работе внимание сосредоточено лишь на одном элементе — комплексе предметов, обнаруженных в области таза и бедренных костей. Здесь горизонтальной линией располагались 33 зуба волка или собаки (рис. 1, 5б). Зубы

² Антропологические определения выполнены к. и. н. С. С. Тур (АлтГУ).

принадлежали 2–3 особям, имели подработку и отверстия для подвешивания в корневых отделах³. Над головкой правой бедренной кости зафиксированы две пястно-запястные кости птицы (так называемые пряжки) (рис. 1, 1, 5а), длина которых *in situ* составляла 10 см. Сохранность костей плохая, удалось извлечь лишь фрагменты. В одном случае этот несколько обломков трубчатых костей и сустав со следами сверления, в другом — сильно фрагментированные трубчатые кости. Обе кости идентичны и принадлежали одной и той же особи. Определить видовую принадлежность по сохранившимся фрагментам затруднительно, судя по размерам, кости принадлежали довольно крупной птице. К пряжке у птиц крепятся самые длинные в составе крыла маховые перья, имеющие, как правило, яркую окраску (так называемые первостепенные или маховые 1-го порядка). Таким образом, можно предполагать, что у правого бедра погребенного были размещены окончания двух крыльев с богатым оперением.

Находки костей птиц в неолитических погребениях Верхнего Приобья и сопредельных территорий немногочисленны. Это отполированная кость из погр. 3 могильника Заречное (Зах 2003: 67–68); две кости происходят из погр. 2 могильника Новоалтайск-Развилка; подобные находки представлены в погребении из Нижнетыткескенской пещеры 1, которое Ю. Ф. Кирюшин относит к большемысской культуре (Кирюшин и др. 1995: 28). В могильнике Новоалтайск-Развилка также зафиксирован миниатюрный игольник, изготовленный из лучевой кости птицы (по предположению авторов — крупной утки), который был украшен резным орнаментом в виде сетки (Кирюшин и др. 2006: 55, рис. 3, 3). Цилиндрические пронизки, выполненные из трубчатых костей птицы, найдены В. И. Молодиным в парном погребении могильника Большой Мыс/Иткуль (Молодин 1999: 44–45, рис. 2, 2).

Образ птицы присутствует и в предметах мелкой пластики из неолитических погребений: фрагментированное скульптурное изображение из Усть-Алейки (Шмидт 2005); две костяные фигурки из Яйского могильника (Матюшенко 1963: 99, табл. II, 2, 6); небольшое скульптурное изображение из разрушенного погребения Трекино (Бобров 1990: 21, рис. 1, 1); скульптурная фигурка из могильника

³ Палеозоологические определения выполнены к. биол. н. С. С. Онищенко (КемГУ).

Рис. 1. 1 — положение пястно-запястной кости (пряжки) в составе птичьего крыла (а–д — кости: а — плечевая; б — лучевая; в — локтевая; г — фаланги пальцев; д — пряжка); 2–5 — могильник Чумыш-Перекал, погр. 13: 2 и 5 — план погребения и фотография комплекса предметов в районе таза и бедренных костей погребенного (а — пястно-запястные кости птицы; б — оторочка из просверленных зубов животных; в — костяное изделие; г — древесный тлен); 3, 4 — варианты реконструкции элементов костюма погребенного

Fig. 1. 1 — position of the carpometacarpal bone in the wing (a–d — bones: a — humerus; б — radius; в — ulna; г — phalanges; д — buckle); 2–5 — Chumysh-Perekat cemetery, burial 13: 2 and 5 — plan of the burial and a photograph of the group of objects found near the pelvis and thigh bones (a — carpometacarpal bones of a bird; б — edging of perforated animal teeth; в — bone article; г — wood decay); 3, 4 — variants of reconstruction of the buried person's costume elements

Лебеди II (Bobrov 1988: 39, fig. 6, 1); стилизованная фигурка из Крутихи 5, погр. 1 (Молодин 1977: 28, табл. XVI, 3). Изображения могут быть как стилизованными, так и реалистичными, передают образ боровой и водоплавающей птицы. В некоторых случаях фигурки имеют вертикальные сквозные отверстия для подвешивания. Изредка изображения птицы встречаются на керамике поселений. Орнитоморфные образы в орнаментальной графике населения Западной Сибири эпохи энеолита и бронзы проанализированы В. В. Бобровым (Бобров 2013). В эпоху бронзы образ птицы получает дальнейшее развитие в искусстве и погребальной практике — орнитоморфные персонажи Каракола (Кубарев 2009), птицы на самусьской керамике (Есин 2009) или находки черепов журавлей в окуневских погребениях (Вадецкая 1986).

Зубы канисовых со сверлением являются одним из главных элементов в комплексе рассматриваемых предметов. Подобные находки представлены во многих неолитических могильниках рассматриваемого региона, в качестве подвесок использовали зубы волка, лисицы, медведя, кабана, барсука, сурка, лося, марала, костяные и перламутровые нашивки различных форм, створки раковин моллюсков. Часто элементы декора комбинировались, иногда украшения нашивали внахлест, составляя своеобразные декоративные ленты. Нашивки и подвески, как правило, тяготеют к определенным зонам: горизонтальные ряды в районе таза или чуть ниже тазовых костей, в районе груди, вертикальные ряды вдоль позвоночника, отдельные скопления в области шеи, груди, черепа, запястий, коленей. По мере накопления материала стало очевидно, что все это — элементы декора одежды, появились аргументированные реконструкции неолитического костюма.

Реконструкция, предложенная В. В. Бобровым, основывается на анализе материалов погр. 6 и 7 могильника Лебеди II в Кузнецкой котловине. Наряд женщины представлял собой удлиненную нераспашную куртку. Украшения располагались горизонтальной линией на поясе, по краю подола, в районе коленей, отдельные нашивки присутствовали в районе стоп (на обуви) и руках. Мужской костюм реконструируется как удлиненная распашная куртка, борт которой украшен вертикальным рядом нашивок из зубов животных. На графической реконструкции представлен пояс, который маркируют расположенные в этом районе три резца бобра (Bobrov 1988: fig. 6, 9). Анализируя размещение украшений в парном погребении могильника Большой Мыс/Иткуль, В. И. Молодин пришел к выводу, что мужчина и женщина, захороненные в нем, были одеты в одинакового кроя нераспашные куртки длиной ниже пояса. Украшения были нашиты горизонтальной линией в районе груди, пояса курток были декорированы тройным рядом каплевидных подвесок, которые нашивались внахлест, напоминая чешую. В женском костюме на поясе также присутствовали резцы сурка. Подолы курток были декорированы широким поясом нашивок аналогично поясу. В обоих случаях с помощью пронизок, каплевидных подвесок и перламутровых нашивок из озерных раковин были оторочены рукава. В. И. Молодин отмечал особую близость в си-

стеме расположения украшений с погр. 6 могильника Лебеди II (Молодин 1999: 39–43, 46). Реконструкция неолитического костюма, предложенная Н. Ю. Кунгуровой, основана на анализе погребений могильника Солонцы 5 в предгорьях Алтая, с привлечением материалов Усть-Иши, Большого Мыса/Иткуля, пещеры Каминная, Фирсово XI и др. Автору удалось выделить особенности украшений одежды для разных половозрастных категорий, по отдельным элементам костюма прослежены этнографические параллели. Для женского костюма, по ее мнению, характерны устойчивые комбинации нашивок в виде горизонтальных полос в районе грудной клетки, коленных суставов и в верхней части бедренных костей, ниже таза. У взрослых женщин к этой комбинации добавляются орнаментальные ленты в районе пояса. Мужские погребения не демонстрируют устойчивой системы. В погр. 1 нашивки образуют неполные ряды, пересекающие грудь, зафиксированы скопления в районе таза и ниже. В погр. 7 украшения располагались широкими лентами: на поясе, продольная лента от плеча к колену, полоса-оторочка задней части подола, лента на левом рукаве, подвески из зубов животных вдоль рук и бедер. В остальных трех мужских погребениях украшения были более скромными и не образовывали четко прослеживаемых комбинаций (Кунгурова 2004: 11–20; 2005: 38–50, рис. 44–47).

Принципиальным является вопрос, что представляют собой горизонтальные линии подвесок, располагавшиеся в районе таза: орнаментальные линии нашивок на самой одежде или самостоятельный элемент костюма — пояс. Из текста В. И. Молодина следует, что это именно украшения куртки (Молодин 1999: 41), хотя Н. Ю. Кунгурова со ссылкой на эту работу говорит о поясах (Кунгурова 2005: 43). Из ее анализа погребений Солонцы 5 однозначный вывод о наличии поясов как отдельных элементов костюма сделать также сложно. В погр. 7 могильника Лебеди II пояс реконструируется, однако какие-либо нашивки на нем отсутствуют. Наличие поясного ремня как отдельного элемента костюма допускает С. В. Маркин для погребения в пещере Каминная. Это предположение сделано на основании находки миниатюрной «пряжки» — костяной пластинки плоско-выпуклого сечения. Однако ее малые размеры и отсутствие отверстия заставляют автора констатировать, что «реконструировать поясную одежду женщины не представляется возможным» (Маркин 2000: 60).

Последний элемент, который, по всей видимости, относится к рассматриваемому комплексу — костяное изделие, выполненное из расколотого диафиза кости животного (рис. 1, 5в). Длина изделия — 18,2 см, максимальная ширина — 4,5 см. Один конец заострен, второй имеет оформленный уступ. Предмет располагался ниже тазовых костей, наклонно, между бедрами, приостренная его часть находилась под правой бедренной костью, из чего можно заключить, что он был помещен за спиной погребенного. По общему абрису и пропорциям предмет напоминает обойму вкладышевого орудия (кинжала). Однако следы пазов и самих вкладышей

отсутствуют. Аналогии подобным изделиям известны по материалам раскопок А. П. Окладникова и М. М. Герасимова на Фофановском могильнике в Забайкалье. Они определяются как «костяные острия» без уточнения функционального предназначения (Лбова и др. 2008: рис. 15, 2; 16; 17, 1). Стоит отметить, что авторы причисляют к этой категории изделия различных форм. Таким образом, можно условно назвать предмет, найденный на Чумыше-Перекате, костяным кинжалом (?) или острием.

Существует несколько вариантов интерпретации данного комплекса. На первый взгляд, взаимосвязанное расположение предметов, отверстия для подвешивания позволяют предполагать наличие отдельного элемента костюма — поясного ремня. Это могла быть функциональная вещь, украшенная подвесками из зубов животных и перьями птиц, которой, если допустить наличие рукояти, например деревянной, фиксировался костяной кинжал (рис. 1, 4). Определенные сомнения вызывает то, что все предметы, кроме костей птицы, расположены не в области талии, а ниже тазовых костей, практически на бедрах. Второй вариант основывается на том, что подвески концентрировались под тазом в основном с левой стороны, располагаясь по верхней кромке, ниже уровня костяного изделия. Теоретически можно предположить, что они могли относиться к декору чехла костяного изделия или «ремня», с помощью которого он мог носиться или был закреплен на одежде. Наконец, третий вариант предполагает, что все элементы находятся в одной зоне, но не связаны друг с другом. В этом случае перья крепились к нижнему краю короткой куртки или на поясе в районе правого бедра, подол украшали подвески из зубов животных, костяной предмет уложен отдельно сзади между бедрами погребенного. В пользу этого предположения говорит тот факт, что зона расположения подвесок (на бедрах, ниже таза) практически полностью совпадает с зонами, выделенными В. И. Молодиным в Иткульском могильнике (Молодин 1999: 38, рис. 1) и Н. Ю. Кунгуровой на Солонцах 5 (Кунгурова 2005: 125, рис. 48, 1, 2). Такая трактовка представляется наименее противоречивой. Что касается остальных украшений, то резец бобра, располагавшийся в правой части грудного отдела, мог служить застежкой (в таком случае куртка была распашной); перламутровая фигурка-рыбка вероятнее всего является подвеской-амулетом, а каменная подвеска, найденная в области черепа, могла украшать головной убор (рис. 1, 3).

Вне зависимости от того, каким образом интерпретировать весь комплекс в целом, длинные маховые перья, безусловно, занимали в нем центральное место. Обращаясь к семантике образа птицы, большинство исследователей отмечают сложный комплексный характер этого персонажа в системе мировоззренческих представлений населения лесной зоны Евразии в эпоху неолита — энеолита (Усачёва 1998: 105–134; Чаиркина 1998: 81–104; Молодин и др. 1999: 77; Морозов, Умеренкова 2015: 74 и др.). Суммируя точки зрения, можно выделить несколько смысловых рядов, в которых образ птицы играет ключевую роль.

Первое — птица-демиург, выступающая в качестве главного персонажа космогонического мифа (миф о ныряющей птице). Этот широко распространенный сюжет подробно проанализирован В. В. Напольских. Фабула его сводится к тому, что на дно первичного океана за землей ныряют разные птицы (в наиболее распространенном варианте — водоплавающие), но безрезультатно; последней ныряет самая маленькая из них и именно ей удается достичь дна и принести песчинку, из которой возникает суша. Зарождение этой мифологемы автор относит к эпохе палеолита (Напольских 1990: 9).

Второе — универсальный комплекс представлений о птице как воплощении души. В архаичной структуре Вселенной, которая реализована в идее Мирового древа (древа жизни), птицам отводится место в верхнем регистре, на его вершине. Кроме того, с помощью птицы душа может перемещаться из Верхнего мира в Средний, мир людей, где она обретает новую сущность (Новгородова 1995; Черемисин 1997: 38; Чаиркина 1998: 99–100 и др.).

Третье — образ птицы мог воплощать тотемистические представления. Определенные свидетельства того, что различные виды птиц почитались в качестве предков-тотемов отдельных родов и родовых групп, известны в этнографии палеоазиатских и финно-угорских народов (Косарев 1988: 103 и др.).

И наконец, последнее. Трудно переоценивать ту роль, которую играл образ птицы в оформлении шаманского костюма и ритуальных шаманских практиках сибирских народов по данным этнографии. Практически все исследователи, обращавшиеся к анализу шаманского костюма, отмечали, что наряд шамана наделяет его новым магическим телом в образе животного. Чаще всего ритуальная одежда воспроизводит образ птицы, оленя и медведя (Элиаде 2000: 89). Автор классической работы по истории сибирского шаманского костюма Е. Д. Прокофьева считала, что любой шаманский костюм в основе своей имеет образ птицы, и тип этот наиболее древний. Позднее появляются комбинированные вариации, когда в одном наряде сочетается несколько образов, например птицы и лося, но доминирующей все равно остается символика птицы, формирующая саму структуру шаманского одеяния. По ее мнению, образ птицы наиболее полно отражен в шаманской одежде северных и южных алтайцев, хакасов, тувинцев, тофаларов, а также монголов и бурят, живущих на территории, примыкающей с юга к Алтаю (Прокофьева 1971: 16, 79).

Структура костюма и семантика его отдельных элементов действительно тесно связаны с орнитоморфной символикой. С помощью различных материалов на рукавах шаманской куртки изображаются различные элементы крыла. Железные нашивки имитируют отдельные кости крыла и суставы. У якутских шаманов наряд представлял собой целый скелет птицы, сделанный из железа (Элиаде 2000: 90). С помощью меховых полосок показывается птичий пух. Бахрома и кожаные жгуты различной длины, трубчатые подвески имитируют короткие и длинные

перья. Е. Д. Прокофьева отмечает случай, зафиксированный у якутов, когда на рукавах были подвешены основания (цилиндрики) птичьих перьев (Прокофьева 1971: 16, 42). Точно также обшивается бахромой и лентами различной длины и подол, что в целом придает шаманскому кафтану орнитоморфный облик (Васильев 1910: 4–5, рис. 1, 2).

Кроме имитаций, шаманский костюм мог включать также и сами шкурки зверей и птиц или их отдельные части (когти, клювы, крылья, перья). Так, например, у алтайцев зафиксированы «ошейники», украшенные бахромой из перьев черных и коричневых сов. Головной убор украшали перьями лебедя, орла, совы, известны экземпляры, украшенные хвостовым оперением филина. Телеутские и алтайские шаманы делали свой колпак из шкуры (чучела) коричневой совы, оставляя крылья, а иногда и голову для украшения, а под мышками на куртку пришивались крылья от той же птицы (Потапов 1991: 206; Элиаде 2000: 89). У монгольского шамана крылья птицы пришивались к костюму сзади в области плеч. У хакасов (качинцев) к поясу шамана подвязывали с боков два птичьих крыла и несколько высушенных птичьих лап с когтями (Прокофьева 1971: 64; Элиаде 2000: 89). Фигурки птиц, которые служили подвесками, изображающими духов-помощников шамана, чаще всего изображают орла, филина, журавля, гагару, утку, гуся, кукушку (Анисимов 1951: 198–199, рис. 1–3, 6; Прокофьева 1971: 87). Основное предназначение шаманского костюма, воплощающего образ птицы, очевидно — такой наряд наделяет своего обладателя способностью совершать полеты, перемещаться в потусторонний мир.

Идея ирреального полета развивается и во время самих камланий. Раздобыв магическое перо, шаман во время обряда с помощью танца и движений рук воспроизводит полет птиц, имитирует их голоса и пение. А. Ф. Анисимов приводит интересные сведения о роли птиц в шаманских обрядах из этнографии эвенков. По их представлениям одним из самых хитрых духов-помощников шамана (харги и марги) является гусь. При изгнании болезни он засовывает нос в желудок больного и ловит клювом духа — причину болезни. При этом если дух вырывается, по совету харги шаман обмахивает больное место орлиными перьями (Анисимов 1958: 210–211). Из этого следует, что образ птицы и ее отдельные атрибуты (крылья, когти, перья) могут выступать не только элементами костюма, но и приспособлениями, которые используются во время камланий. Особая роль, которая отведена птице в шаманских ритуалах, иногда объясняется представлениями многих сибирских народов о том, что прародителем всех шаманов является орел (Элиаде 2000: 43–45).

Безусловно, было бы определенным упрощением интерпретировать рассматриваемый комплекс исключительно в русле параллелей из этнографии (см., напр. Grosman et al. 2008), учитывая тот факт, что в ней похоронен подросток. Тем не менее, архаичность и консервативность шаманских представлений и культов, за-

фиксированная у многих сибирских народов, заставляет отнестись к обнаруженным аналогиям с определенным вниманием. Впервые в неолитических материалах зафиксирована традиция использования перьев птиц для оформления костюма. На неординарность данного погребения, особый статус человека, захороненного в нем, указывает и еще одно обстоятельство. Из 11 неолитических могил, исследованных на Чумыше, лишь в двух случаях были обнаружены сопроводительные наборы более 1–2 предметов и украшения. Вторая такая могила (№ 27) содержала комплекс каменных и костяных предметов под головой погребенного, единичные подвески из зубов сурка, лисицы и лося, а также «кинжал-жезл», изготовленный из ребра крупного копытного, который венчает изображение лосиной головы.

Литература

Абдулганеев и др. 2000 — *Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Пугачев Д. А., Шмидт А. В.* Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I // Деревянко А. П., Молюдин В. И. (ред.). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 6. С. 206–210.

Анисимов 1951 — *Анисимов А. Ф.* Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемистические истоки идеологии шаманства // Толстов С. П. (ред.). Сб. МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 13. С. 187–215.

Анисимов 1958 — *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 236 с.

Бобров 1990 — *Бобров В. В.* Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 19–32.

Бобров 2013 — *Бобров В. В.* Орнитоморфный образ в орнаментальной графике древних народов Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4, № 3. С. 5–12.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Васильев 1910 — *Васильев В. Н.* Шаманский костюм и бубен у якутов. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. 47 с. (Сб. МАЭ. Т. 1, вып. 8).

Есин 2009 — *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 526 с. (Тр. музея археологии и этнографии Сибири. Т. 2).

Зах 2003 — *Зах В. А.* Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения севера СО РАН, 2003. 168 с.

Кирюшин и др. 1995 — *Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф.* Археология Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. 150 с.

Кирюшин и др. 2000 — *Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадилов Б. Х.* Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. 117 с.

Кирюшин и др. 2006 — *Кирюшин К. Ю., Пугачев Д. А., Семибратов В. П.* Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка — новый памятник неолита–энеолита Барнаульского Приобья // Демин М. А., Щеглова Т. К., Телегин А. Н. (ред.). Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Барнаул: Изд-во Барнаульского ГПУ, 2006. С. 52–58.

Кирюшин Ю., Кирюшин К. 2015 — *Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю.* Проблемы культурной принадлежности ранних погребений грунтового могильника Тузовские бугры I (одна из

версий историко-культурной интерпретации) // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 52–68.

Косарев 1988 — *Косарев М. Ф.* Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Дэвлет М. А. (ред.). Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 54–83.

Кубарев 2009 — *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.

Кунгурова 2004 — *Кунгурова Н. Ю.* Женский костюм в IV тыс. до н. э. (по материалам погребений кузнецко-алтайской культуры) // АЭАЕ. 2004. № 2. С. 11–20.

Кунгурова 2005 — *Кунгурова Н. Ю.* Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического института МВД России, 2005. 127 с.

Лбова и др. 2008 — *Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П.* Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.

Маркин 2000 — *Маркин С. В.* Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // АЭАЕ. 2000. № 2. С. 53–64.

Марочкин 2013 — *Марочкин А. Г.* Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970 — начала 2010-х годов // Вестник Томского ГПУ. 2013. № 7 (135). С. 84–90.

Марочкин 2014 — *Марочкин А. Г.* Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.

Матющенко 1963 — *Матющенко В. И.* Яйский неолитический могильник // Сб. науч. работ исторических кафедр. Томск: Изд-во ТГУ, 1963. С. 97–103 (Тр. ТГУ. Т. 165).

Молодин 1977 — *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 169 с.

Молодин 1999 — *Молодин В. И.* Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Бобров В. В. (ред.). Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири: материалы совещания. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 36–57.

Молодин и др. 1999 — *Молодин В. И., Новиков А. В., Чикишева Т. А.* Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Там же. С. 66–98.

Морозов, Умеренкова 2015 — *Морозов А. В., Умеренкова О. В.* Мелкая пластика эпохи неолита — энеолита Сибири // Вестник КемГУ. 2015. № 3 (1). С. 71–77.

Напольских 1990 — *Напольских В. В.* Семантика образов водоплавающих птиц в прауральской мифологии // Известия СО АН СССР. Серия истории, философии и филологии. 1990. № 1. С. 5–21.

Новгородова 1995 — *Новгородова Л. И.* Реликты древних культур в обрядовой одежде якутов // Вузовская наука 50-летию Великой Победы. Якутск: Изд-во Якутского ГУ, 1995. С. 66–68.

Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.

Прокофьева 1971 — *Прокофьева Е. Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // Потапов Л. П., Иванов С. В. (ред.). Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 5–100 (Сб. МАЭ. Т. 27).

Усачёва 1998 — *Усачёва И. В.* К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам древней глиняной и кремневой пластики эпохи неолита — бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 105–134.

Чаиркина 1998 — *Чаиркина Н. М.* Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов среднего Зауралья // Там же. С. 81–104.

Черемисин 1997 — *Черемисин Д. В.* К ирано-тюркским связям в области мифологии. Богиня Умай и мифическая птица // Деревянко А. П. (ред.). Народы Сибири. История и культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 31–43.

Шмидт 2005 — *Шмидт А. В.* Неолит Приобского плато: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Элиаде 2000 — *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

Bobrov 1988 — *Bobrov V. V.* On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennium B. C. // *Arctic Anthropology*. 1988. Vol. 25, no. 2. P. 30–46.

Grosman et al. 2008 — *Grosman L., Munro N. D., Belfer-Cohen A.* A 12,000 year-old Shaman burial from the southern Levant (Israel) // *Proceedings of the National AS of the USA*. 2008. Vol. 105, no. 46. P. 17665–17669.

BIRD FEATHERS IN THE MAKEUP OF A NEOLITHIC COSTUME (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHUMYSH-PEREKAT CEMETERY IN THE SOUTH OF WEST SIBERIA)

A. V. FRIBUS, S. P. GRUSHIN

Keywords: *Neolithic, Altai, Chumysh area, Kuznetsk-Altai culture, shamanism, costume reconstruction, paleozoology.*

Chumysh-Perekat is a new burial ground which has been studied by a joint expedition from the Kemerovo and Altai state universities since 2014. The site contains Late Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age and medieval materials. The Neolithic period is represented by 11 burials, which have much in common with materials of the well known cemeteries from the forest-steppe and submontane parts of Altai: Bolshoi Mys/Itkul, Ust-Isha, Tuzovskie Bugry, Firsovo XI, Novoaltaisk-Razvilka, etc. Burial no. 13 (Fig. 1, 2) stands out for its relatively rich accompanying inventory (a stone knife, a flake, a bone point, adornments) and an original grave construction built with the use of twigs. The paper deals with the group of objects found near the pelvis and thighs of the corpse (Fig. 1, 5): belt or dress edging consisting of 33 perforated canid teeth, two carpometacarpal bones (buckles) of a big bird, and a bone article. The authors provide different interpretations of this assemblage dependant on the reconstruction of various elements of the ancient costume (Fig. 1, 3, 4). The central role in this attire belonged to the long flight teathers of a bird attached at the right thigh of the buried person. The bird image occupies a special position in the mythology and beliefs of many Siberian peoples. It played an important role in the shaman costume and ritual practices. The use of parts of bird wings in the Neolithic costume is reported here for the first time. It may be indicative of a special status of the buried person.

Literature

Абдулганеев и др. 2000 — *Abdulganeev M. T., Kirushin Yu. F., Pugachev D. A., Shmidt A. V. Predvaritelnye itogi issledovaniy mogilnika Tuzovskie Bugry I [Preliminary results of the Tuzovskie Bugry I research]* // Derevyanko A. P., Molodin V. I. (eds.). *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy [The problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and the adjacent territory]*. Novosibirsk: IAE, 2000. T. 6. P. 206–210 (in Russian).

Анисимов 1951 — *Anisimov A. F. Shamanskii duhi po vozzreniyam evenkov i totemisticheskie istoki ideologii shamanstva [Shaman spirits in beliefs of the Evenks and totem roots of the Shaman ideology]* // Tolstov S. P. (ed.). *MAE collection. M.; L.: AS of the USSR, 1951. Vol. 13. P. 187–215* (in Russian).

Анисимов 1958 — *Anisimov A. F. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i probleme proishozhdeniya pervobytnykh verovaniy [The religion of Evenks in a historical-genetic research and problems of the origins of primordial beliefs]*. M.: AS of the USSR, 1958. 236 p. (in Russian).

Бобров 1990 — *Bobrov V. V. Materialy razrushennykh neoliticheskikh pogrebeniy kuznecko-altayskoy kultury [Materials from destroyed Neolithic burials of the Kuznetsk-Altai culture]* // Kirushin Yu. F. (ed.). *Problemy arheologii i etnografii Yuzhnoy Sibiri [Problems in archaeology and ethnography of South Siberia]*. Barnaul: Altay SU, 1990. P. 19–32 (in Russian).

Бобров 2013 — *Bobrov V. V. Ornitomorfnyy obraz v ornamentalnoy grafike drevnykh narodov Zapadnoy Sibiri [Ornithomorphic image in ornamental graphics of the ancient peoples of Western Siberia]* // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo SU]*. 2013. Vol. 4, no. 3. P. 5–12 (in Russian).

Вадецкая 1986 — *Vadetckaya E. B. Arheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya [Archaeological sites in the Middle Enisey steppes]*. L.: Nauka, 1986. 180 p. (in Russian).

Васильев 1910 — *Vasil'ev V. N. Shamansky kostum i buben u yakutov [The Yakut shaman's costume and drum]*. St. Petersburg, 1910. 47 p. (MAE collection. T. 1, vol. 8) (in Russian).

Есин 2009 — *Esin Yu. N. Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kultura [Ancient art of Siberia: the Samus' culture]*. Tomsk: Tomsk SU, 2009. 526 p. (Proceedings of the Museum of archaeology and ethnography of Siberia. T. 2) (in Russian).

Зах 2003 — *Zah V. A. Epoha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prislair'ya i Priob'ya [Neolithic and Early Metal Period in the forest-steppe parts of the Salair and Ob' rivers]*. Tumen': Northern Research Institute of the Siberian Branch of RAS, 2003. 168 p. (in Russian).

Кирюшин и др. 1995 — *Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L., Stepanova N. F. Arheologiya Nizhneytykeskenskoy Peshery 1 (Altay) [Archaeology of Nizhneytykesenskaya cave 1 (Altay)]*. Barnaul: Altay SU, 1995. 150 p. (in Russian).

Кирюшин и др. 2000 — *Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu., Kadikov B. H. Drevneyshie mogilniki severnykh predgoriy Altaya [Most ancient burial sites of the northern foothills of Altay]*. Barnaul: Altay SU, 2000. 117 p. (in Russian).

Кирюшин и др. 2006 — *Kirushin K. Yu., Pugachev D. A., Semibratov V. P. Gruntovy mogilnik Novoaltaysk-Razvilka — novy pamyatnik neolita — eneolita Barnaulskogo Priob'ya [Novoaltaysk-Razvilka burial ground — a new Neolithic-Eneolithic site at the Barnaul part of the Ob' region]* // Demin M. A., Shcheglova T. K., Telegin A. N. (eds.). *Polevyie issledovaniya v Verhnem Priob'e i na Altae: arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya [Field research in the Upper Ob' area and Altay: archaeology, ethnography, oral history]*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 2006. P. 52–58 (in Russian).

Кирюшин Ю., Кирюшин К. 2015 — *Kiryushin Yu. F., Kiryushin K. Yu. Problemy kulturnoy prinadlegnosti rannikh pogrebeniy gruntovogo mogilnika Tuzovskie Bugry I (odna iz versiy istoriko-kulturnoy interpretatsii) [Problems of cultural attribution of the early graves from the Tuzovskie Bugry I burial ground (one of the versions of historical and cultural interpretation)]* // *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research]*. 2015. No. 2 (12). P. 52–68 (in Russian).

Косарев 1988 — *Kosarev M. F.* Chelovek i zhivaya priroda v svete sibirskih etnograficheskikh i arheologicheskikh materialov [*Man and nature in the light of Siberian archaeological and ethnographic materials*] // Nekotorye problemy sibirskoy arheologii [*Some problems of Siberian archaeology*]. М.: Nauka, 1988. P. 54–83 (in Russian).

Кубарев 2009 — *Kubarev V. D.* Pamyatniki karakolskoy kultury Altaya [*Sites of the Karakol culture of Altay*]. Novosibirsk: IAE, 2009. 264 p. (in Russian).

Кунгурова 2004 — *Kungurova N. Yu.* Zhensky kostum v IV tys. do n.e. (po materialam pogrebeniy kuznetsko-ataiskoy kultury) [*Woman costume in the IV millennium B. C. (with particular reference to the KuznetskAltay culture burials)*] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [AEAE]. 2004. No 2. P. 11–20 (in Russian).

Кунгурова 2005 — *Kungurova N. Yu.* Mogilnik Solontcy-5. Kultura pogrebeniyh neolita Altaya [*Solontcy-5 cemetery: the culture of the buried people in the Neolithic of Altay*]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2005. 127 p. (in Russian).

Лбова и др. 2008 — *Lbova L. V., Zhambaltarova E. D., Konev V. P.* Pogrebalnye komplekxy neolita — rannego bronzovogo veka Zabaykaliya (formirovaniye arhetipov pervobytnoy kultury) [*Neolithic — Early Bronze Age burial complexes of Transbaikalia (the formation of prehistoric culture archetypes)*]. Novosibirsk: IAE, 2008. 248 p. (in Russian).

Маркин 2000 — *Markin S. V.* Neoliticheskoe pogrebenie Severo-Zapadnogo Altaya [*Neolithic burial in the North-Western Altay*] // AEAE. 2000. No 2. P. 53–64 (in Russian).

Марочкин 2013 — *Marochkin A. G.* Kulturno-hronologicheskie koncepcii neolita i rannego metalla Verhnego Priob'ya v otechestvennoy istoriografii 1970 — nachala 2010-h godov [*Cultural and chronological concepts of the Upper Ob' Neolithic and Early Metal Period in Russian historiography of the 1970s — early 2010s*] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [*Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*]. 2013. No. 7 (135). P. 84–90 (in Russian).

Марочкин 2014 — *Marochkin A. G.* Pogrebalnaya praktika naseleniya Verhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita (istoriya izucheniya, strukturnyi analiz i tipologiya, problemy kulturno-hronologicheskoy interpretatsii) [*Funeral practice of the Upper Ob' people in the Neolithic and Eneolithic (history of research, structural analysis and typology, problems of cultural and chronological interpretation)*]: Candidate of History thesis. Kemerovo, 2014. 205 p. (in Russian).

Матющенко 1963 — *Matyushchenko V. I.* Yaiskiy neoliticheskii mogilnik (*Yaisk Neolithic cemetery*) // Sbornik nauchnykh rabot istoricheskikh kafedr [*Collection of scholarly works of historical departments*]. Tomsk: Tomsk SU, 1963. P. 97–103 (Proceedings of Tomsk SU. T. 165) (in Russian).

Молодин 1977 — *Molodin V. I.* Epoha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'h'ya [*Neolithic and Bronze Age in the forest-steppe part of the Ob'-Irtys'h' region*]. Novosibirsk: Nauka, 1977. 169 p. (in Russian).

Молодин 1999 — *Molodin V. I.* Neoliticheskoe pogrebenie na ozere Itkul i nekotorye soobrazheniya po povodu pogrebalnykh kompleksov dannoy epohi v predgoryah i gorah Altaya [*A Neolithic burial on Lake Itkul and some thoughts regarding burial complexes of this epoch in the Altay foothills and mountains*] // Bobrov V. V. (ed.). Problemy neolita — eneolita yuga Zapadnoy Sibiri: materialy soveshaniya [*Problems of the Neolithic and Eneolithic in the south of West Siberia: materials of the conference*]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. P. 36–57 (in Russian).

Молодин и др. 1999 — *Molodin V. I., Novikov A. V., Chikisheva T. A.* Neoliticheskii mogilnik Korchugan na Sredney Tare [*Neolithic cemetery of Korchugan on the Middle Tara*] // Ibid. P. 66–98 (in Russian).

Морозов, Умеренкова 2015 — *Morozov A. V., Umerenkova O. V.* Melkaya plastika epohi neolita — eneolita Sibiri [*Small statuary in the Neolithic and Eneolithic of Siberia*] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [*Bulletin of the Kemerovo SU*]. 2015. No. 3 (1). P. 71–77 (in Russian).

Напольских 1990 — *Napolskih V. V.* Semantika obraza vodoplavaushih ptic v prauralskoy myfologii [*Semantics of the waterfowl images in the proto-Uralic mythology*] // Izvestiya Sibirskogo

otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filosofii i filologii [*Proceedings of the Siberian Branch of the AS of the USSR. History, philosophy, philology series*]. 1990. No. 1. P. 5–21 (in Russian).

Новгородова 1995 — *Novgorodova L. I.* Relikty drevnykh kultur v obryadovoy odezhde yakutov [*Relics of ancient cultures in the ritual clothing of Yakuts*] // Vuzovskaya nauka 50-letiu Velikoy Pobedy [*University science to the 50th anniversary of the Great Victory*]. Yakutsk: Yakutsk SU, 1995. P. 66–68 (in Russian).

Потапов 1991 — *Potapov L. P.* Altaiskiy shamanism [*Altay shamanism*]. L.: Nauka, 1991. 319 p. (in Russian).

Прокофьева 1971 — *Prokofieva E. D.* Shamanskije kostumy narodov Sibiri [*Shaman costumes of Siberian peoples*] // Potapov L. P., Ivanov S. V. (eds.). Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX — nachale XX veka [*Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the XIX — early XX century*]. L.: Nauka, 1971. P. 5–100 (MAE Collection. T. 27) (in Russian).

Усачёва 1998 — *Usach'eva I. V.* K istokam mirovozzreniya drevnykh uralcev (po materialam drevney glynyanoy i kremnevoy plastiki epohi neolita — bronzy oz. Andreevskogo Tumenskoy obl. [*To the roots of ideology of the ancient Uralian people (based on the ancient clay and flint art objects from the Neolithic and Bronze Age of Lake Andreevo, Tyumen region)*] // Voprosy arheologii Urala [*Questions of Uralian archaeology*]. Ekaterinburg, Ural SU, 1998. Vol. 23. P. 105–134 (in Russian).

Чаиркина 1998 — *Chairkina N. M.* Antropo- i zoomorfnye obrazy eneoliticheskikh kompleksov srednego Zauraliya [*Anthropo- and zoomorphic images from the Eneolithic complexes of Middle Trans-Ural*] // Ibid. P. 81–104 (in Russian).

Черемисин 1997 — *Cheremisin D. V.* K irano-turkskim svyazyam v oblasti myfologii. Boginya Umay i myficheskaya ptitsa [*On the Iranian — Turkic connections in the field of mythology. The Umay goddess and the mythical bird*] // Derevyanko A. P. (ed.). Narody Sibiri. Istoriya i kultura [*The peoples of Siberia. History and culture*]. Novosibirsk: IAE, 1997. P. 31–43 (in Russian).

Шмидт 2005 — *Shmidt A. V.* Neolit Priobskogo plato [*Neolithic of the Ob' plateau*]: Abstract of Candidate of History thesis. Barnaul, 2005. 24 p. (in Russian).

Элиаде 2000 — *Eliade M.* Shamanizm: arhaicheskie tehniki extaza [*Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*]. Kiev: Sofiya, 2000. 480 p. (in Russian).

Bobrov 1988 — *Bobrov V. V.* On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennia B. C. // Arctic Anthropology. 1988. Vol. 25, no. 2. P. 30–46.

Grosman et al. 2008 — *Grosman L., Munro N. D., Belfer-Cohen A.* A 12,000 year-old Shaman burial from the southern Levant (Israel) // Proceedings of the National AS of the USA. 2008. Vol. 105, no. 46. P. 17665–17669.